

На правах рукописи

Терентьева Виктория Константиновна

**ТАБУИЗМЫ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В
СОВРЕМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ ПРАКТИКЕ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА**

Специальность 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (урало-
алтайские языки, японский язык)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва - 2017

Работа выполнена в Отделе языков стран Азии и Африки ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук.

Научный руководитель: **Алпатов Владимир Михайлович**
доктор филологических наук, профессор,
член-кор. РАН, директор Института
языкознания РАН

Официальные оппоненты: **Гуревич Татьяна Михайловна**
доктор культурологии, кандидат
филологических наук, профессор
Корчагина Татьяна Ивановна
кандидат филологических наук, профессор

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки **Институт восточных
рукописей РАН**

Защита состоится «13» июня 2017 г. в 12:00 на заседании диссертационного совета Д 002.006.02 при Институте языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., д.1, стр.1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института языкознания РАН по ссылке <http://iling-ran.ru/main/theses/terentyeva>

Автореферат разослан: « _____ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
Кандидат филол. наук

В.И. Карпов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования.

В настоящее время важными принципами парадигмы лингвистической науки являются антропоцентризм и историзм. Наука все больше ориентируется на человека и его потребности, причем язык рассматривается не только в общечеловеческом, но и в эмоционально-частном аспекте. Многие ученые подчеркивают, что в сознании людей заключена совокупность самых разнообразных знаний и представлений об окружающей действительности, которые присущи каждой национальной культуре. В сознании человека образ мира состоит из большого числа понятий, и связанных с ними ассоциаций. Подобные знания помогают индивиду познать как собственную культуру, так и иные культуры, с которыми ему приходится взаимодействовать. Все пласты лексики отражают своеобразие миропредставления через язык, особое место среди которых занимает табуированная лексика. Данный языковой пласт является очень древним явлением, возникшим еще в период появления первых признаков цивилизации, и постоянно изменявшимся на протяжении всей истории человечества. То, что некогда было табуированным для употребления при коммуникации, становилось нормой. И наоборот, некоторые языковые явления выходили за пределы норм литературного языка, приобретая свойства табу.

В современной лингвистике табуированная лексика нередко становится объектом изучения. Особый интерес представляют недавние попытки осмыслить феномен вербального табу в рамках когнитивного направления. Такими учеными, как М. Касас-Гомес, З. Ковечес, Дж. Лакофф, Р. Гиббс, К. Аллан, К. Барридж и др., табуированный лексический материал используется для реконструкции имплицитных культурных моделей данного сообщества, получающих реализацию в конкретных ассоциативных механизмах,

когнитивных метафорах и способах эвфемизации. Исследование табуации позволяет, таким образом, выявить универсальное и культурно-специфичное в языке и познании. На данный момент, помимо основных европейских языков, исследование табу и эвфемизации затронуло ближневосточный, тихоокеанский и африканский регион. Однако развитие этого направления все еще требует расширения исследовательского поля.

Японский язык дает хороший лексический материал для анализа. Это связано с тем, что японская культура по ряду параметров может оцениваться как традиционная, и практики вербальной табуации в ней еще не оторваны от более общих культурных представлений; иначе говоря, вербальное табу здесь еще не оказалось низведено до уровня формального этикета (хотя подобная прогрессирующая тенденция налицо). С другой стороны, японский язык характеризуется большим числом лексических ограничений, которые напрямую не связаны с верой в магическую функцию слова. Эти лексические ограничения также дают хороший материал для анализа ассоциативных механизмов и способов эвфемизации. Несмотря на то что табуации и лексические ограничения рассматривались в японской лингвистике такими авторами, как Таканори Синтани, Сумико Маэхара, Ватанабэ Мэгуми, Хамасуна Ёсия и др., они еще не были систематически исследованы через призму упомянутого подхода. Таким образом, недостаточная разработанность темы и определило актуальность обращения к ней.

Объектом диссертационного исследования является табуированная лексика японского языка.

Предметом выступает специфика функционирования табуированной лексики японского языка в современной речевой практике, а также скрытые в ней культурные представления, реализуемые через основные ассоциативные механизмы, когнитивные метафоры и способы эвфемизации.

Целью исследования является всесторонний дескриптивный и когнитивный анализ табу и лексических ограничений в современном японском языке. Для её реализации предполагается решение следующих **задач**:

систематизировать имеющиеся подходы к пониманию и определению феномена табу и процесса табуирования как явления языка и культуры

рассмотреть феномен архаической табуации и разработать предварительную типологию архаических табу

проанализировать специфику конкретной социокультурной реализации практики вербального табуирования

определить феномен табуированной лексики в контексте японской культуры

рассмотреть табуированную лексику древнеяпонского языка и способы ее эвфемизации

рассмотреть табуированную лексику современного японского языка в конкретных речевых ситуациях и проанализировать способы эвфемизации

представить систематический разбор лексических ограничений в речевой практике современного японского языка

выделить основные способы эвфемизации, использующиеся в отношении лексических ограничений современного японского языка

проанализировать выделенную табуированную лексику японского языка в пространстве заданных речевых практик для выявления логики их репрезентации.

Научная новизна. В работе впервые представлен подробный анализ феномена архаического табу, под которым мы понимаем вербальное табу, обусловленное верой в магическую функцию языка. Сделана попытка построения типологии архаического табу. Обозначенная теоретическая позиция применена к японскому лексическому материалу, при этом акцент сделан на

современных речевых ситуациях. В работе впервые в систематическом виде дан дескриптивный и когнитивный анализ японской табуированной лексики. Имеющийся языковой материал представляет большую ценность для выявления связи между языком и социальными условиями его бытования, что в последующем, позволит нам лучше понять специфику японского миропонимания, отраженного в языке и культуре, не только на современном этапе, но и в социальной динамике прошлых лет.

Материалом исследования послужили японские пособия, руководства по произнесению речи на таких общественных событиях как свадьба, похороны и др. В этих работах японскими авторами выявлены запретные слова, которых следует избегать при произнесении торжественных речей, составлении поздравительных писем к свадьбе, новоселью, поступлению на учебу, работу, или при выражении соболезнования (устного и письменного) на похоронах или в некрологах. Значимыми работами для нас, для выявления архаических табу в современном японском языке, стали пособия по написанию поздравительной речи в таких сферах как свадьба, новоселье, получение новой должности, беременность, рождение, а также руководство по погребальным обрядам и традициям, и написанию похоронных речей и некрологов следующих авторов: Ёситаке Таруко, Ивасита Норико, Ино:э Акэми, Исии Ё:ко, Исиль Итиро, Сато: Кадзуми, Мурамацу Кунихико, Таканори Синтани, Тода Кё:ко, Хамасуна Ёсия. Данные слова в таких справочниках были выделены определенным шрифтом с указанием на исключение из использования такой лексики при определенных речевых ситуациях.

Для выявления особенностей функционирования табуированной лексики японского языка нами были использованы русско-японские словари под редакцией Б.П. Лаврентьева, С.В. Неверова, Н.И. Конрада, из японских источников – японско-русский словарь под редакцией Т. Фудзинума,

издательства «Кэнкюся», японско-русский словарь «Консайз», энциклопедия «Британика», а также электронные словари: японско-японский словарь «Хиродзиэн», японско-английский словарь «Прогрессив» издательства Сёгакукан. Словари считаются проверенными источниками использования той или иной лексической единицы, представляют богатую базу для использования примеров, а также помогают в выявлении функциональных особенностей слова за счет наличия коннотативных значений и варьирования семантического поля слова.

Большой вклад в поиске эвфемистических замен табуированных слов внесли примеры различных японских интернет-источников. Язык изменчив, поэтому большинство изменений, в первую очередь, находят свое отражение в разговорной речи, примеры которой можно найти на многих японских сайтах и форумах. Поиск языковых пар «табуированное слово - эвфемизм» происходил индивидуально для каждой лексической единицы, а затем и для каждой отдельной сферы табуирования. В редких случаях были представлены пары «табуированное слово - эвфемизм» с указанием на примеры и сферы использования.

Стоит отметить, что по поводу приведенных в японских пособиях материалов была проведена дополнительная консультация с несколькими японскими информантами.

Основными методами исследования в работе являются дескриптивный анализ, когнитивный анализ, сравнительный анализ. Также используются методы гипотетико-дедуктивного анализа при сборе и обобщении фактического материала; контекстуального анализа в изучении тем и сфер табуирования в японской языковой культуре.

В работе обозначены уровни табуирования во взаимосвязи с определёнными видами табу; сформулировано понятие коммуникативных табу;

приведено авторское разделение понятия вербальное табу и лексическое ограничение; описаны способы коммуникативной обработки табуированных слов в речевых ситуациях; рассмотрен ряд прагматических факторов, оказывающих влияние на их актуализацию в выделенных речевых ситуациях.

Теоретическая значимость исследования состоит в следующем: показано своеобразие архаического табу как феномена; представлена попытка построения типологии архаических табу; отражены особенности функционирования архаических табу в конкретных речевых ситуациях; дана типология основных способов эвфемизации.

Практическая значимость исследования видится в том, что его результаты могут быть включены в курс преподавания японистики, межкультурной коммуникации, теории языка, теории и практики перевода, коммуникативной лингвистики.

На защиту выносятся следующие положения:

Архаическое табу является особым типом ограничения на употребление лексики, специфика которого заключается в том, что этот тип ограничения обусловлен верой в магическую функцию языка. Подобная вера, укорененная в неконвенциональной трактовке языкового знака, широко распространена в традиционных культурах, и в Японии ей соответствует представление о «душе слова», котодама.

Можно выделить следующие наиболее распространенные типы архаического табу: табу на имена (собственное имя, имена родственников, имена покойников, имена высокопоставленных лиц, имена богов), табу на часть лексики в присутствии родственников, или языки избегания; табу на произнесение определенных слов в конкретных речевых ситуациях; табу на слова, вызывающие опасные ассоциации.

Каждый конкретный способ вербальной табуации существует в определенном контексте. Этот контекст обеспечивает сложность и уникальность вербальной практики. Фактически, мы всегда имеем дело с кластером практик, который требует релевантной и многосторонней дескрипции.

Японские представления о магической функции языка (котодама) характерны как для древнего периода, так и для современной эпохи. Современные представления сочетают в себе языковой пуризм, веру в магическую функцию языка и принципы этикета.

Особый класс японских вербальных табу составляют табу в конкретной речевой ситуации (свадьба, похороны, новоселье и пр.). Их специфика состоит в том, что они релевантны лишь для строго определенного контекста, где их употребление может вызвать ассоциации с нежелательными событиями. Каждая ситуация характеризуется особым типом табуирования, что связано как с универсальными, так и с культурноспецифичными ассоциативными механизмами и когнитивными метафорами.

Лексические ограничения в японском языке имеют более общий характер, и они касаются таких сфер, как наименование животных, физические недостатки, физиологические особенности, обозначение возраста и пр.

Наиболее распространенные способы эвфемизации, к которым прибегают носители японского языка, включают опущение, метафору, метонимию, импликацию, перифразирование и стилистическое повышение выражения.

Структура и объём диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка литературы.

Во введении обосновываются актуальность тематики и научная новизна исследования; описываются теоретическая и практическая значимость; формулируются объект, предмет, цель и задачи работы; характеризуются материал и методологическая база; выносятся положения на защиту.

В первой главе сформулирована теоретическая позиция, положенная в основу анализа вербальных практик табуации в современном японском языке. Даны определения базовым понятиям и рассмотрены наиболее распространенные способы эвфемизации. Основное внимание уделено «архаическим табу» – лексике, запрет на которую обусловлен верой в магические и заклинательные функции языка. Прилагательное «архаический» означает то, что табу такого рода обычно коренятся в первобытных воззрениях на функцию слова и в первобытных речевых практиках. В главе предложена типология архаических табу и на конкретных примерах показано, как табу функционируют в социокультурных условиях. Подробный анализ необходим для демонстрации того, что прагматический контекст обеспечивает сложность и уникальность каждой вербальной практики и что реально в каждом случае мы имеем дело с целым кластером практик.

В современной лингвистике отсутствует консенсус по вопросу языковой табуации. Это касается, в частности, базовых понятий (напр., «языковое табу», «эвфемизм» и пр.) и более широких типологических вопросов (напр., типология языковых табу, типология способов эвфемизации). Теория языковой табуации разрабатывалась как в отечественной, так и в зарубежной науке, притом те результаты, к которым пришли две традиции, значительно разнятся. В данной главе мы проанализируем основные проблемы, с которыми сталкивается исследователь при подходе к этому феномену, а также сформулируем свою теоретическую позицию, исходя из которой в последующих главах будет производиться анализ японского материала.

В параграфе 1.1 даны определения базовых терминов, таких как «языковое табу», «эвфемизм», «дисфемизм» и «орфофемизм».

В п. 1.2 было рассмотрено понятие эвфемизма и наиболее распространенные способы эвфемизации. Под эвфемизацией мы понимаем

когнитивный процесс концептуализации запрещенной действительности, который отражается в речи через использование различных языковых механизмов и позволяет носителю языка в некотором контексте, в специфической прагматической ситуации смягчить или заместить запрещенный концепт. С лингвистической точки зрения, эвфемизм – это нейтральное по смыслу и эмоциональной нагрузке выражение, используемое для смягчения или замены нежелательного (табуированного) выражения. Способы эвфемизации делятся на два типа: связанные с инновацией в форме и связанные с инновацией в семантике и синтаксисе. К первому типу относятся оноματοпεία, создание сложных основ, деривация, акронимия, сленговая модификация, замещение, аббревиация, заимствования. Ко второму типу относятся партикуляризация, импликация, антифразис, антономазия, метонимия, метафора, литота, гиперболола, перифразирование, опущение, стилистическое повышение выражения. Эвфемизмы характеризуются разной степенью смягчения: максимальной, средней и минимальной. Кроме того, они отличаются эфемерностью: продолжительность эвфемистического заряда зависит от новизны его коннотации. В создании и использовании эвфемизмов между говорящими имеются социальные различия. Одной из важнейших функций эвфемизации является то, что она выступает причиной многих изменений и инноваций в системе языка.

В п. 1.3 было разъяснено понятие архаического табу. Архаические табу – это лексика, запрет на которую обусловлен верой в магические и заклинательные функции языка. Прилагательное «архаический» означает то, что табу такого рода обычно коренятся в первобытных воззрениях на функцию слова и в первобытных речевых практиках. Это, однако, не значит, что архаические табу не могут существовать в культуре современного типа. Япония является хорошим примером того, что в качестве пережитков архаические табу способны получать

воплощение в современных речевых практиках и оказывать существенное влияние на структуру этих практик. Понятие «архаическое табу» было предложено О.А. Рутер, которая, в свою очередь, развивала идеи отечественных исследователей. Анализ работ отечественных и зарубежных ученых показывает, что все они сходятся во мнении о специфичности вербальных запретов, обусловленных верой в магическую функцию языка. В японской традиции для магической функции языка и таких вербальных запретов имеется специальное обозначение – котодама. В данной работе под «вербальными табу» мы подразумеваем именно то, что попадает в область котодама, то есть табуацию архаического типа.

В п. 1.4 была рассмотрена магическая функция языка, обеспечивающая возможность феномена архаического табу. Согласно классификации Р.О. Якобсона, магическая функция является частным случаем призывно-побудительной функции. В ее основе лежит неконвенциональная трактовка языкового знака, то есть представление о том, что слово – это не условное обозначение некоторого предмета, а его часть. Феномен неконвенционального восприятия знака широко распространен в архаических культурах, что отражено, например, в многозначных лексемах, сочетающих в себе семантику «слова», «вещи» и «события».

В п. 1.5 была представлена попытка построения типологии архаических табу. Опираясь на немногочисленные сравнительные исследования по теме, можно выделить следующие наиболее распространенные типы: табу на имена (собственное имя, имена родственников, имена покойников, имена высокопоставленных лиц, имена богов), табу на часть лексики в присутствии родственников, или языки избегания; табу на произнесение определенных слов в конкретных речевых ситуациях; табу на слова, вызывающие опасные ассоциации. Каждый из представленных типов характеризуется своей

спецификой, но всех их объединяет вера в опасность или нежелательность номинации, способной вызвать негативные последствия. Разработанная в этом параграфе классификация не охватывает всех возможных сфер, однако мы полагаем, что в ней схвачены наиболее общие и распространенные виды архаической табуации. Эту типологию следует рассматривать как предварительную.

В п. 1.6 были проанализированы работы, посвященные реализации практики архаической табуации в конкретных социокультурных условиях. Как было показано, типология позволяет только наметить наиболее общие способы табуации, однако каждый конкретный способ существует в определенном контексте. Этот контекст обеспечивает сложность и уникальность каждой вербальной практики. Фактически, мы всегда имеем дело с кластером практик, который требует релевантной и многосторонней дескрипции. Рассмотренные работы о языках квайо, оромо, буру и сангир свидетельствуют о том, что для конкретной практики табуации могут быть релевантны следующие нюансы: социальный статус человека, степень сакральности предка, структура лексемы, степень распространенности лексемы, наличие потенциального эвфемизма, границы применимости запрета, последствия нарушения запрета и пр. Это заставляет критически посмотреть на характерный для большинства дескриптивных работ формальный подход, согласно которому достаточно лишь внешнего описания ситуации. В действительности, полноценный анализ требует учета многочисленных факторов, особенно прагматического и когнитивного плана.

Таким образом, в данной главе был намечен каркас теоретической модели, с опорой на которую будет рассматриваться японский материал. Особую важность для последующего анализа представляют выводы об архаической

табуации, ее типах и о необходимости ее изучения с учетом всех факторов, релевантных для конкретной вербальной практики.

Вторая глава посвящена феномену архаического табу в японском языке. Вербальные табу анализируются в связи с японским понятием котодама – представлением о магической функции языка. Мы рассматриваем эволюцию взглядов на котодама от древнейшей эпохи до современности. Также приводится анализ табуированной лексики древнеяпонского языка. Но центральное место в главе занимает подробное рассмотрение современных вербальных табу японского языка в конкретных речевых ситуациях, таких как свадьба, похороны, новоселье и пр. Демонстрируется, что каждая ситуация характеризуется особым типом табуирования, что связано как с универсальными, так и с культурноспецифичными когнитивными механизмами.

В п. 2.1 были подробно рассмотрены японские представления о магической функции языка – котодама. Как было показано, на всем протяжении японской истории под котодама понималось воззрение, согласно которому в словах заключена особая магическая сила, с помощью которой можно воздействовать на окружающий мир. Представление о «душе слова» способствовало развитию в синтоизме особой «мистической филологии», ее наиболее яркими представителями можно считать Ямагути Сидо и Накамура Ко:до. В XX веке делались попытки связать традиционные взгляды на котодама с политикой языкового пуризма. Это привело к тому, что современные представления о котодама сочетают в себе языковой пуризм, веру в магическую функцию языка и принципы этикета.

В современной Японии по-прежнему распространена вера в магическую функцию языка и письменности, что типично для культур, в которых пользуются иероглифическим видом письма. Она имеет разную глубину, в зависимости от ряда факторов. Так, в деревнях и более архаичных регионах подобная вера имеет

традиционную синтоистскую окраску. С другой стороны, в современных крупных городах ее религиозный компонент меньше развит, и поэтому она имеет форму суеверия, а в каких случаях – становится частью этикета. По нашим данным, полученным от нескольких информантов, вера в силу слова является важной частью японского мировоззрения, и она, подобно многим другим элементам традиционной японской культуры, сохраняет актуальность по сей день. Как будет показано в разделах 4-10, проявление веры в *котодама* характерно для некоторых людей в конкретных речевых ситуациях, таких как свадьба, похороны, посещение больного, охота, рыбалка и пр. Предполагается, что употребление нежелательных выражений в таких ситуациях может привести к негативным эффектам. Если с точки зрения религиозных людей подобными эффектами являются несчастье, болезнь или смерть, то для большинства светских людей негативным эффектом является сам факт нарушения принятой нормы, то есть этикета.

В п. 2.2 приведен анализ табуированной лексики древнеяпонского языка. Этот анализ мотивирован необходимостью понимания истоков современной табуации. Нами было показано, что представления о магической силе языка были широко распространены еще в древний период, и получали реализацию в конкретных способах табуирования нежелательной лексики. Это касалось таких сфер, как религия, смерть, власть и охота. Основные способы эвфемизации в древний период: опущение, метафора, метонимия, импликация и антономазия.

Не все из рассмотренных эвфемизмов сохранились в современном языке (не сохранились, впрочем, и многие исходные подвергшиеся табуации слова). Большой интерес представляют не сами конкретные замены, а языковые модели, по которым они совершаются. Мы видим, что в случае табу выбор замещающего слова может быть мотивирован различными факторами.

Часть замещающих номинаций можно отнести к хорошо изученным тропам, таким как метафора и метонимия. Внешнее сходство объекта с другим объектом может быть использовано для метафорической номинации («пагода» как «тис»). Наличие у объекта достаточно представительной части или атрибута, по которым он легко опознается, позволяет использовать соответствующее название метонимически для указания на весь объект («благовония» = «молельня», «цветная бумага» = «сутры», «кусочек земли» = «курган», «волосы» = «монах», «черепица» = «храм»).

Особенно нужно отметить возможность указания на предмет по ассоциативной связи или категориальной общности двух слов («пот (телесное выделение)» = «кровь», «отдых» = «болезнь»). Такая связь может быть опосредованной: «соль» = «слезы» = «плач».

Особенно интересны антонимичные модели образования эвфемизмов («излечиться» вместо «умереть», «гладить» вместо «бить»). Подобные замены используется и в современном японском, ср. замену глагола *сору* «брить», созвучного жаргонному *суру* «проиграть (на скачках)» антонимичным непереходным (!) глаголом *атару* «выпасть (о выигрыше)»: *хигэ о атаримасё*: «усы вам побрить?». Такие эвфемистические замены приводят к появлению у слов трудно предсказуемых значений, не связанных прямыми деривационными отношениями с остальными значениями. Эти случаи требуют специального лексикографического описания с привлечением табуированных слов, заменяемых данным.

Можно заметить, что эвфемизмы понятий, связанных со смертью (*о хака* «могила», *о со:сики* «похороны», *о хицуги* «гроб», *о цуя* «всенощное бдение у гроба», *о какурэ ни нару* «умереть», *о мукаэ га куру* «тж», *наку нарарэру* «тж») или с умерщвлением животных (*о нуку* «мясо», *о сакана* «рыба») регулярно сопровождаются тем, что называется средствами выражения вежливости. Видимо,

такое совместное проявление двух языковых функции — лексической замены и выражение «вежливости» — не случайно. По мнению известного лингвиста К. Киндайити, выражения вежливости в японском этимологически восходят к избеганию табуированных слов. Это предположение заслуживает внимательного изучения.

Таким образом, в данном разделе было показано, что японские представления о магической силе языка были широко распространены еще в древний период, и получали реализацию в конкретных способах табуирования нежелательной лексики. Очевидно, современные практики вербальной табуации просто наследуют эту более древнюю традицию.

В п. 2.3 был рассмотрен характер современного материала, а также принципы его дескриптивного анализа. Мы отметили, что вежливость и учет позиции собеседника важны для понимания феномена табуации в наше время, однако они не составляют его ядро. Основанием лексической табуации по-прежнему является убежденность в опасности называния конкретного слова в конкретной ситуации, и это справедливо как в диахроническом, так и в синхронном аспекте.

Для исследования нами была взята конкретная область реализации архаических табу в современной Японии — различные речевые ситуации. Акцент на этой области связан с тем, что большинство японских табу касаются именно определенных речевых ситуаций. Под речевой ситуацией мы понимаем ситуацию, которая предполагает «речевое общение, включение собеседников на тематическом и композиционном уровне в речевой акт, в его диалогический и монологический контекст». Табу на произнесение определенных слов в речевых ситуациях являются особым подтипом архаических табу. Они предполагают ограниченное использование лексики в конкретном контексте, то есть они не являются абсолютными, но локализованы в пространстве и времени, связаны с

конкретным хронотопом. Лексика, табуируемая в речевой ситуации, необязательно является таковой в других ситуациях и вообще в повседневном общении.

В качестве источника мы берем справочники норм, пособия по этикету, в которых выявляются архаические табу. Эти лексемы отмечены авторами как запретные слова, которых следует избегать при произнесении торжественных речей, составлении поздравительных писем к свадьбе, новоселью, поступлению на учебу, работу, или при выражении соболезнования (устного и письменного) на похоронах или в некрологах. Стоит отметить, что, хотя в представленных справочниках рассматриваемая лексика связывается с верой в магическую силу слова (котодама), все же, по мнению ряда авторов, эта связь является лишь диахронической и потому чисто формальной. Авторы отмечают, что сегодня понятие котодама стало, скорее, номинальным, оно выступает частью этикета и ритуала в японской культуре.

Формальное отношение к котодама характерно лишь для той части японского общества, которую можно охарактеризовать как модернизированную, европеизированную и атеистическую. Несмотря на модернизацию, Япония по ряду параметров остается страной с традиционной культурой. Большинство населения (ок. 80%) по-прежнему придерживается верований синкретичного типа, в которых доминирующую роль играют синтоизм и буддизм. Безусловно, вежливость и учет позиции собеседника важны в феномене табуации, однако они не составляют его ядро. Основанием лексической табуации является убежденность в опасности называния конкретного слова в конкретной ситуации, и это справедливо как в диахроническом, так и в синхронном аспекте. Мы полагаем, что, несмотря на проблематичность любой статистической экстраполяции касательно феномена котодама в современной Японии, его диахроническая и (для какой-то группы людей) синхроническая связь с

религиозными воззрениями, а также его (для всех японцев) синхроническая связь с этикетом, позволяют классифицировать данный феномен как вербальное табу архаического типа. Мы, однако, осознаем, что большинство рассматриваемых примеров сейчас реально находятся где-то на грани между табу и лексическим ограничением.

В пп. 2.4-2.9 были рассмотрены способы реализации вербальной практики табуирования в конкретных речевых ситуациях, таких как свадьба, похороны, посещение больного, поступление на работу, учебу, беременность, роды, охота и рыбалка. Представленный анализ свидетельствует о том, что, ввиду веры в магическую функцию языка, определенные слова могут табуироваться в конкретных ситуациях. Каждая ситуация характеризуется особым типом табуирования, что связано как с универсальными, так и с культурноспецифичными ассоциативными механизмами и когнитивными метафорами. Наиболее популярными способами эвфемизации в современный период являются опущение, метафора, импликация, перифразирование, стилистическое повышение выражения.

Объем языкового поля варьирован в зависимости от ситуации и контекста. Одно слово может относиться к нескольким системам одновременно (например, *овару*), либо семантические поля могут накладываться друг на друга (например, *асай*). Это приводит к лингвистической изменчивости и вариативности. При анализе данных списков слов было выявлено, что табуирование части из них повторяется в нескольких речевых ситуациях. Так, например, избегание редуцированных слов встречается как при произнесении свадебных речей, так и при выражении соболезнования, чтобы избежать повторного брака, болезни или смерти. А вот при беременности такого рода слова отсутствуют, потому что иметь еще детей — хорошо. Также, одни и те же слова, в зависимости от ситуации, употреблялись, где с прямым значением (на свадьбе),

а где в переносном (при родах). Кроме того, следует отметить, в основном, прозрачность табуированных слов, которые основаны на приеме эвфемизации – антонимия. Принято избегать омонимов слов с плохим значением. Так, не следует употреблять слова 四 *си* – четыре, и 九 *ку* – девять, так как *си* созвучна слову смерть 死, а *ку* – горю 苦. Лучше употреблять *ён* вместо *си*, и *коконоцу* вместо *ку*. Также вместо *сару* – обезьяна, которая созвучна глаголу *сару* покинуть, лучше употребить *этэ*. Вместо *синэма* – *кинэма* из-за созвучия со словом смерть; *сурибати* – *атарибати*, так как *суру* созвучен с *сасуру* – проигрывать 摩る; *сио* соль – *нами-но хана* букв. «цветок морской волны». Эвфемизмом является слово из специального речевого этикета дворцовых дам – 女房言葉 *нё:бо: котоба* в период Муромати. Либо природное явление в Японии, происходящее в период с ноября по февраль, когда бурное холодное море превращает планктон в белую субстанцию и выносит на берег, что метонимически напоминает соль. Интересен тот факт, что табуируются слова относительно ситуации, а не конкретного действия: «резать свадебный торт» и «разделять свадебный торт», табуируется не действие, а слово. То есть глагол *киру* следует избегать не только когда речь идет о прямом значении (резать торт). Запрещается употреблять вообще это слово в течение всей свадьбы, и по отношению к семье в целом. Если слово омонимично слову с негативной коннотацией, то его либо заменяют, либо опускают в речи. Получается, что слова из данных списков не употребляются не только при произнесении поздравлений, но и в отношении конкретных действий в течение определенной ситуации (свадьба, похороны, новоселье). К тому же следует избегать этих слов и высказываний о семье, браке, смерти отдельно от ситуации. Хотя исследователи (например, Ёситаке Тэруко) утверждают, что табуирование слов

является чисто индивидуальным и не обязательным, в реальной практике оно строго не соблюдается [Ёситакэ Тэруко: 2002].

Говоря о лексической особенности табуированных слов, мы пришли к выводу, что в основном это ваго – исконо японские слова, реже канго – китаизмы в японском языке. Однако, канго чаще употребляется в качестве эвфемизмов по первому (определение + определяемое) или второму типу (действие + объект). Что касается синтаксической особенности, то большинство языковых табу непереходные глаголы где упор делается на сам факт совершения действия, не зависимо от того кто его совершил.

Что касается эвфемистических приемов, то чаще всего используются эллипсис, антономазия и метонимия. Так, почти во всех речевых практиках замечаем либо опущение табуированного слова, либо замену его антонимом, либо замену его на более вежливый синоним. Это происходит из-за того, что главная задача - не избавиться от табуированного слова, а ограничить экспликацию нежелательных смысловых составляющих значения, которые могут создать плохое, двойственное впечатление и огорчить собеседника.

Если говорить о способах табуирования слов, то в японском языке используются табу – опущения, за исключением табуированных слов, касающихся смерти. Здесь используется метонимия как прием эвфемизации. Слова не исключаются, а заменяются по смежному признаку. Табуируется слово, а не понятие. Эвфемизмы не обладают сакральностью, но в определённом контексте (здесь смерть) приобретают таинственную окраску. Чем больше эвфемизмов, обозначающих одно явление, тем больше достигается эффект понимания смысла (страна желтых вод, стать духом и прочее). Таким образом, мы получаем полную характеристику представлений о смерти в японской культуре.

Метафора ярко представлена в описании брака и любви. Любовь в японской картине мира воспринимается как наслаждение, насыщение; как явление, которое неподвластно времени. Во многих культурах понятия любви и семьи разделялись. Для построения семьи обязательным были долг и ответственность, а не любовь. Япония является одной из таких стран, где имеются традиционные представления о семье, которая ассоциируется с чем-то целостным, вечным, имеющим неразрывную связь. Семья воспринимается в японском менталитете как продолжение рода, переход на другой социальный уровень.

Итак, анализ языковых средств позволяет выделить и описать табуированную лексику и эвфемизмы как один из важнейших факторов регулярных языковых изменений. Явления языкового табу и эвфемии можно рассматривать как во временном, так и в пространственном аспекте. Табуизмы и эвфемизмы являются подвижным источником языковых изменений, анализ которых позволит проследить семантическую эволюцию слова, особенности его функционирования в языке на определенном временном отрезе и раскроет своеобразие японской речевой культуры.

Таким образом, в данной главе был представлен анализ феномена табуации в японском языке (как в древнеяпонском, так и в современных речевых ситуациях), а также выделены наиболее распространенные в речевой практике способы эвфемизации.

Третья глава посвящена лексическим ограничениям в современном японском языке. Мы определяем «лексическое ограничение» как ограничение на употребление слов, не связанное с представлением о магической функции языка. Нами анализируются такие области, как наименование животных, физические недостатки, испражнения, обозначение возраста и пр. Один раздел главы также посвящен способам эвфемизации, к которым прибегают носители языка, ввиду лексических ограничений.

В п. 3.1. дается наше общее понимание того, что такое «лексическое ограничение». По нашему мнению, «лексическое ограничение» охватывает тот тип вербального запрета, который не связан с магической функцией языка (хотя исторически такая связь может иметь место). Предположительно, лексические ограничения получают более широкое распространение вместе с модернизацией общества, вытесняя архаические табу. Этим процессом оказалась затронута и японская культура, где многие лексические ограничения генетически восходят к историческим табу, однако реально уже не функционируют как табу, являясь всего лишь частью этикета

В п. 3.2. мы рассмотрели примеры лексических ограничений в современном японском языке. Нами были проанализированы следующие запреты: запреты, связанные с наименованием животных; запреты, связанные с культурными представлениями и религиозными верованиями; запреты, связанные с сексуальностью; запреты, связанные с беременностью и физиологическими испражнениями; запреты, связанные с непрестижными профессиями и пр. Общий вывод состоит в том, что современный японский язык богат многочисленными запретами, которые распространяются на самые разные сферы быта. Такие запреты могут либо генетически восходить к архаическим табу, либо происходить из других сфер. Большинство запретных областей для номинации находят широкие типологические параллели и потому можно признать, что они отражают некий универсальный паттерн.

В п. 3.3 мы проанализировали основные способы эвфемизации, к которым прибегают носители японского языка. Каждый способ был рассмотрен на конкретных примерах. Нами были проанализированы следующие способы: фонетическая модификация, заимствование, метафора, метонимия, генерализация, антономазия и пр.

На примере языковых табу можно наглядно наблюдать обновление словаря путем замены табуированных слов на эвфемизмы. Такие обновления могут неоднократно повторяться для одних и тех же понятий, приводя к регулярной замене лексики и исчезновению замененных слов, либо к накоплению лексики и обогащению языка синонимичными средствами. Как мы показали, для многих эвфемизмов можно определить лингвистические средства, при помощи которых происходит выбор заменяющего слова (метафора, метонимия, другие тропы, ассоциативная или антонимичная замена, иноязычные заимствования, образование фразеологизмов или «вежливых» форм). В определенных случаях можно говорить об определенном синкретизме таких средств. Подобный анализ позволяет выделить и описать табуированную лексику и эвфемизмы как один из важнейших факторов регулярных языковых изменений. Позволим себе предположить, что полномасштабный учет языковых табу в широком смысле во всех их проявлениях даст возможность по-новому посмотреть на происходящие в языке процессы, а также, определять те области языка, где изменения названного вида наиболее вероятны, а также предсказывать их на ближайшую перспективу для современного состояния языка.

Нами была проделана большая работа по сбору информации о японской табуированной лексике, ее разделению на архаические (вербальные) табу и лексические ограничения. Также был собран большой языковой материал для лингвистического анализа лексики японского языка с целью выявления определенной закономерности при попытке ее классификации с опорой на современные этнолингвистические работы. К сожалению, данная работа представляет собой лишь первоначальный вклад в японскую этнолингвистику и мы планируем дальше расширять наши границы исследования для достижения более детального и комплексного анализа такого явления как табуированная лексика в японском языке. Ввиду того, что нами была сделана попытка

теоретической классификации вербальной (архаической) лексики и проведен сбор и анализ современных языковых единиц, которые мы отнесли к вербальным запретам. Мы считаем рациональным, на основе вышеизложенного практического материала, попробовать предоставить конкретный языковой материал для подтверждения нашей теории. Итак, рассмотрим более подробно типы архаических табуаций на примере японского языка.

1. Табу на имена

Табу на имена также восходит из первобытных верований, где имя специально заменялось эвфемизмом, чтобы защитить человека от неприятностей. Такая традиция появилась ввиду отождествления имени и природы его носителя. Интересно, что при проявлении знаковых жизненных событий, таких как смена статуса, влекло за собой и изменение имени. Е.Л. Фролова выделяет четыре основных типа имена, которые приобретал японец в традиционном обществе — детское обиходное имя, взрослое, имя-прозвище (обычно, обозначающее статус или род деятельности) и посметное имя. Интересно, что последнее появилось позже с приходом буддизма и верой в загробную жизнь. Имя всегда считалось чем-то сакральным, именно поэтому, имена императоров происходили, в основном, из-за названия территории его обитания, у высоких сословий оно было привязано к родовому имени, статусу, роду деятельности. Если мы обратимся к современности, то увидим, что составные японские имена значительно упростились из-за реформации Мэйдзи, и представляют собой имя+фамилия. Хотя ранее, фамилии. Могли носить только высокопоставленная знать. Однако, наличие фамилии теперь и у простого народа не смог искоренить традицию не называть имя при обращении (только с близкими или родственниками). Если раньше эвфемизмами выступали слова, обозначающие имя относительно территории, класса или определенных индивидуальных черт,

то в современной Японии мы находим их отголоски в обращениях к братьям и сестрам.

Как мы уже писали ранее, при назывании имен богов или императоров прямое имя никогда не упоминалось. Для богов — ввиду сакральности и могущества, а для императоров — ввиду защиты и символа бога на земле.

2. Табу на произнесение определенных слов в конкретных речевых ситуациях было очень подробно описано в данной главе. Как мы видим, существует определенный список слов, который нежелателен в определенных ситуациях как свадьба, похороны, роды и другие социальные изменения. Одни и те же слова, в зависимости от контекста и сферы употребления, могут оказывать влияние на те или иные социальные ситуации. Стоит отметить, что одно и то же слово, находящееся вне социального контекста носит нейтральный характер и может использоваться без опасности огорчить собеседника. В данном случае, ситуация меняет окраску того или иного слова. К сожалению, подбор эвфемизмов к такой группе слов довольно затруднителен. В большинстве случаев, они опускаются или заменяются синонимичным словом.

3. Табу на слова, вызывающие опасные ассоциации, являются довольно распространенным явлением. Данная группа табуированных слов сформировалась ввиду наличия большого семантического поля с наличием разнородных коннотаций. Одно и то же слово в прямом и переносном значении может вызвать различные ассоциации.

Данная теоретическая классификация табуированной лексики была попыткой систематизации слов японского языка, на уже проделанном этнолингвистическом материале австронезийских языков. Анализ показал, что данная теория применима к анализируемому языку и считается приемлемой, благодаря наличию языковых единиц, подтверждающих теоретическую основу классификации. Хотя, данное исследование считается первичным, что говорит о

возможности создания более подробной классификации в будущем, применимой не только к японскому языку.

В заключении резюмируются основные результаты и общие итоги проведенного исследования, указываются сферы их возможного применения и перспективы дальнейшей разработки данной проблематики.

В результате проведенного нами исследования по данной теме были выполнены задачи, обозначенные во введении.

Мы систематизировали имеющиеся подходы к пониманию и определению феномена табу и процесса табуирования как явления языка и культуры. Рассмотрели феномен архаической табуации и разработали предварительную типологию архаических табу. Под архаическим табу мы понимаем лексику, запрет на которую обусловлен верой в магические и заклинательные функции языка. Не смотря на то, что табу такого рода обычно коренятся в первобытных воззрениях на функцию слова и в первобытных речевых практиках. Это, однако, не значит, что архаические табу не могут существовать в культуре современного типа. Япония является хорошим примером того, что в качестве пережитков архаические табу способны получать воплощение в современных речевых практиках и оказывать существенное влияние на структуру этих практик. В японской традиции для магической функции языка и таких вербальных запретов имеется специальное обозначение – *котодама*. Как было показано, на всем протяжении японской истории под котодама понималось воззрение, согласно которому в словах заключена особая магическая сила, с помощью которой можно воздействовать на окружающий мир.

Кроме того, нами была представлена попытка построения типологии архаических табу. Опираясь на немногочисленные сравнительные исследования по теме, мы выделили наиболее распространенные типы. Каждый из представленных типов характеризуется своей спецификой, но всех их

объединяет вера в опасность или нежелательность номинации, способной вызвать негативные последствия. Типология позволяет только наметить наиболее общие способы табуации, однако каждый конкретный способ существует в определенном контексте. Этот контекст обеспечивает сложность и уникальность каждой вербальной практики. Для конкретной практики табуации могут быть релевантны социальный статус человека, степень сакральности предка, структура лексемы, степень распространенности лексемы, наличие потенциального эвфемизма, границы применимости запрета, последствия нарушения запрета и пр. В действительности, полноценный анализ требует учета многочисленных факторов, особенно прагматического и когнитивного плана.

С целью получения более полной картины истоков и способов функционирования архаических табу был сделан анализ табуированной лексики древнеяпонского языка. Нами было показано, что представления о магической силе языка были широко распространены еще в древний период, и получали реализацию в конкретных способах табуирования нежелательной лексики. Это касалось таких сфер, как религия, смерть, власть и охота.

Говоря о современных архаических табу, нами были рассмотрены способы реализации вербальной практики табуирования в конкретных речевых ситуациях, таких как свадьба, похороны, посещение больного, поступление на работу, учебу, беременность, роды, охота и рыбалка. Представленный анализ свидетельствует о том, что, ввиду веры в магическую функцию языка, определенные слова могут табуироваться в конкретных ситуациях. Каждая ситуация характеризуется особым типом табуирования, что связано как с универсальными, так и с культурноспецифичными ассоциативными механизмами и когнитивными метафорами.

Разделение запретной лексики на архаические табу и лексические ограничения придают особую значимость данной работе. По нашему мнению, «лексическое ограничение» охватывает тот тип вербального запрета, который не связан с магической функцией языка (хотя исторически такая связь может иметь место). Предположительно, лексические ограничения получают более широкое распространение вместе с модернизацией общества, вытесняя архаические табу, функционируя уже не как табу, а являясь всего лишь частью этикета. Основываясь на данном положении, нами были проанализированы примеры лексических ограничений в современном японском языке. К ним мы относим следующие запреты: запреты, связанные с наименованием животных; запреты, связанные с культурными представлениями и религиозными верованиями; запреты, связанные с сексуальностью; запреты, связанные с беременностью и физиологическими испражнениями; запреты, связанные с непрестижными профессиями и пр.

Таким образом, мы проследили эволюцию понятия архаического табу, начиная с анализа табуированной лексики древнеяпонского языка, и заканчивая современным этапом. Интерес работы проявляется в исследуемом материале, указывающем на наличие архаических табу в современном японском языке. Изучение данных лексем заставляет прийти к выводу о специфике японского мировоззрения и культурных особенностях страны, истоки которых выходят из самобытной японской религии – синтоизма. Построение религиозной системы, состоящей из взаимодействия буддизма и синтоизма, с четким разделением сфер влияния, только укрепило понятие котодама, которое менялось в зависимости от внешних изменений страны. Деление на архаические табу и лексические ограничения позволило глубже изучить особенности функционирования японского языка в заданных рамках. Такое деление также влияет и на выбор эвфемистических замен. Поэтому, понятие эвфемизации носит не только

социальный характер – избежать негативной ассоциации у собеседника и использовать замену ради достижения коммуникативного эффекта, как это происходит при вуалировании семантики лексических ограничений. Но и влияние религиозного аспекта, который проявляется в вере в то, что слово имеет силу и может повлиять на ход событий, вызывает страх. Однако, в отличие от древнего периода, архаические табу современного японского языка носят индивидуальный характер и могут рассматриваться как суеверия или приметы.

По теме исследования опубликовано пять работ, в том числе три статьи в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Терентьева В.К. Японские табу: от мифов до шаманизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2015. - № 3. - С. 46-53. 0,5 п.л.
2. Терентьева В.К. Языковые табу и лексические ограничения в речевых практиках японского языка // Вопросы филологии. Серия «Лингвистика». - 2015. - № 2 С. 103-115. 0,9 п.л.
3. Терентьева В.К. Табуированная лексика и эвфемизмы, обозначающие смерть и болезни в японском языке // Вестник пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015. - №4. – 0,45 п.л.

В других научных журналах и изданиях:

4. Терентьева В.К. Табу как источник языковых изменений (на примере древнеяпонского) // История востоковедения: традиции и современность: (Материалы школы-конференции аспирантов и молодых ученых) / отв. ред. И.Х. Миняжетдинов; рук. проекта и ред.-сост. М.А. Пахомова. — М.: ИВ РАН, 2014. – С. 225-237. 0,6 п.л.

5. Терентьева В.К. Причины возникновения и особенности функционирования табуированной лексики в древнеяпонском языке // Наука XXI века: взгляд в будущее: материалы межрегион. студ. конференции / Шадр. гос. пед. ин-т; отв. за вып. Н.Н. Ипполитова, Н.С. Стерхова, О.А. Такунцева. – Шадринск: ШГПИ, 2011. – С. 234-2380,4 п.л.